

К ИСТОРИИ БАЛТИСТИКИ В МОСКВЕ

© 2019 г. М.В. Завьялова

Канд. филол. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН

mariazavyalova@gmail.com

В статье описывается история исследований по балтистике в Москве начиная со второй половины XIX в., когда литовский язык стал преподаваться в Московском университете. В разные годы центрами балтистики в Москве были МГУ, Институт славяноведения РАН, «Дом Балтрушайтиса» при Посольстве Литовской Республики в Российской Федерации, а также Институт языкознания РАН.

The article describes the history of research on baltic languages in Moscow since the second half of the 19th century, when the Lithuanian language began to be taught at Moscow University. At different times, the Moscow State University, the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, the «Baltrushaitis House» at the Embassy of the Republic of Lithuania in the Russian Federation, and the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences were the centers of research on baltic studies in Moscow.

Ключевые слова: балтистика, балто-славянские исследования, Институт славяноведения РАН, МГУ им. М.В. Ломоносова, литовский язык.

Keywords: Baltics, Balto-Slavic studies, Institute of Slavonic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow State University, Lithuanian.

DOI: 10.31857/S0869544X0006813-7

Исследования по балтистике в Москве неотделимы от славистики и — шире — индоевропеистики, поэтому говоря об истории московской балтистики, можно считать ее частью славистики¹.

Балтистика в Москве как особое направление в языкознании сложилась во второй половине XIX в. В различные периоды центрами, где были сосредоточены основные научные силы, являлись разные учреждения. Первым таким центром был Московский университет. В течение долгого времени курс литовского языка читался в рамках сравнительно-исторической грамматики индоевропейских языков.

¹ В подготовке текста большую помощь оказали, поделившись своими воспоминаниями и материалами в 2000-е годы, Л.Г. Невская, Ю.С. Степанов, Т.М. Судник и В.Н. Топоров. Благодарю также Т.В. Цивьян за существенные исправления и замечания.

Настоящий обзор не претендует на исчерпывающее описание вопроса, а также на полноту представленной в статье библиографии.

Основой для развития баллистики в Москве стала кафедра сравнительной грамматики индоевропейских языков, открытая в 1863 г. вместо кафедры восточной словесности, существовавшей с 1835 г. Кафедра была поручена П.Я. Петрову, специалисту по санскриту, но не занимавшемуся специально сравнительной грамматикой индоевропейских языков. Курс, читавшийся П.Я. Петровым, был частным, и подготовка студентов велась на самом элементарном уровне. В комментариях к истории греческого и латинского языков на этих лекциях часто приводились и данные литовского языка. Одним из студентов, слушавшим лекции П.Я. Петрова, был Ф.Ф. Фортунатов, проявивший большой интерес к сравнительно-историческому языкознанию.

Ф.Ф. Фортунатов, поступивший в университет через год после возникновения новой кафедры (в 1864 г.), занимался языкознанием по существу самостоятельно. В занятиях литовским важную роль для него сыграла и непосредственная связь с носителями языка в пределах университета — на филфаке МГУ было много литовских и латышских студентов. Другом Фортунатова и В.Ф. Миллера (ираниста и индоевропеиста) был литовский студент Андриус Ботырюс, к которому в 1871 г., уже после окончания университета, они приехали на летние каникулы. Эта поездка оказалась определяющей в судьбе московской баллистики. Около месяца Миллер и Фортунатов жили в деревушке отца своего друга и записывали литовские народные песни, которые позже издали [1]. Именно тогда они заинтересовались диалектологией — их поразили отклонения местного говора от литературного языка. Богатство произведений народного творчества увлекло исследователей и они стали записывать песни, сказки, пословицы с точным соблюдением особенностей говора. «Эта первая встреча с диалектами живого языка, — пишет о своем учителе М.Н. Петерсон, — имела большое влияние на всю последующую научную деятельность Ф.Ф. Фортунатова. У него вырабатывается бережное отношение к фактам языка, произведений народного творчества» [2. С. 26]. Наблюдения, сделанные во время путешествия по Литве, привели Фортунатова ко многим теоретическим выводам — он первым стал рассматривать язык не как нечто монолитное, распавшееся на диалекты, а как исконное множество диалектов, что подтвердилось позднее. Многие теоретические выводы Фортунатова родились именно при соприкосновении с конкретными диалектами современных языков. Эти исследования ознаменовали новый подход к анализу языкового материала: в начале 1870-х годов начинается переход от атомизма в сравнительно-историческом языкознании к попытке синтеза, возникает интерес к живому языку, диалекту, фольклору, к тексту как таковому. Такой подход отразился и на характере самих исследований — ученики Фортунатова рассказывали, что каждое занятие он начинал с отрицания того, что говорил вчера, и каждый раз предлагал новый, более сильный вариант, чем был на предыдущих лекциях. Фортунатов не написал ни одной книги по балтийским языкам, но внес большой вклад в баллистику. Его интересовали самые сложные проблемы — акцентология, интонация — вспомним его закон о передвижении ударения (сделанный одновременно с Соссюром), он был первым в России, кто обратился к прусскому языку.

Ф.Ф. Фортунатов возглавлял кафедру сравнительной грамматики индоевропейских языков до своего отъезда в Петербург в 1902 г. Все это время в числе прочих курсов он преподавал и литовский язык. Заслуга его заключается не только в том, что его деятельность положила начало развитию баллистики в Москве, но еще и в том, что «он создал систему преподавания лингвистических дисциплин в Московском университете» [2. С. 27], т.е. по существу

создал московскую не только балтистическую, но и лингвистическую школу. После того как Фортунатов был избран штатным ординарным академиком по отделению русского языка и словесности, он вынужден был переехать в Петербург. Таким образом завершился московский период его деятельности, в том числе и встречи балтистов по четвергам, которые, по воспоминаниям его учеников, проходили в необычайно теплой и непринужденной обстановке. Переезд в Петербург открыл новый этап в жизни ученого. Петербургская жизнь была более насыщена общением с литовцами, и его ждали новые интересные контакты, в частности, с весьма компетентным литуанистом того времени К. Явнисом (Яунюсом).

Начатое Ф.Ф. Фортунатовым было продолжено его последователями. Его учениками были ставшие впоследствии знаменитыми учеными А.А. Шахматов, Д.Н. Ушаков, Г.К. Ульянов, Н.Н. Дурново, М.М. Покровский, В.Н. Щепкин и др. Научные интересы учеников Фортунатова лежали в разных областях лингвистики, однако в работах многих из них прослеживаются отзвуки занятий литовским языком. Например, Г.О. Винокур — талантливый лингвист, историк литературы, фольклорист, написал работу о литовском стихосложении. По мнению В.Н. Топорова, если бы она была издана в 1920-е годы, то стала бы наиболее удачным анализом литовской метрики.

Основным преемником Ф.Ф. Фортунатова в Московском университете стал В.К. Поржезинский, возглавивший после него кафедру сравнительно-исторического языкознания. Его основными работами, вошедшими в историю московской баллистики, являются две книги о балтийском глаголе [3; 4]. В.К. Поржезинскому удалось организовать в Московском университете особое лингвистическое отделение, которое, правда, было закрыто в 1913 г. Однако именно это отделение, несмотря на кратковременность своего существования, сыграло большую роль в развитии российского языкознания. Вяч. Вс. Иванов в своей статье [5] проводит аналогию между лингвистическим отделением Поржезинского и отделением структурной и прикладной лингвистики (ОСИПЛ), которое появилось в МГУ уже в 60-е годы XX в. и было создано по образцу этого отделения: оба способствовали появлению новаторской школы ученых и развитию течений структурализма в лингвистике.

Среди первых, кто учился на этом отделении, был М.Н. Петерсон. К сожалению, после революции и окончания Гражданской войны в 1921 г. Поржезинский вынужден был уехать в Польшу, где продолжал преподавать сравнительно-историческое языкознание. После его отъезда занятия литовским языком в университете удавалось проводить только до 1925 г.: все это время частным образом его преподавал М.Н. Петерсон. 1925 год ознаменовал собой начало «темного периода» в истории московской лингвистики.

Можно привести один показательный случай, помогающий оценить обстановку, в которой приходилось работать в то время московским ученым. Как рассказывал позднее Петерсон своим студентам, в 1925 г. он был послан в Париж в командировку, где его принимал А. Мейе. Из Парижа Петерсон привез в Москву единственный экземпляр диалектного атласа Жильерона и передал его в библиотеку факультета. Однако вскоре заметил, что на обратной стороне атласа выпускается какая-то стенгазета.

Вскоре в результате «новых веяний» в языкознании все занятия на факультете были отменены, в 1930-е годы факультет был распущен, уступив место факультету обществоведения. В знак протеста М.Н. Петерсон ушел в Институт

метеорологии. Когда в 1935 г. был организован Институт философии, литературы и истории (ИФЛИ), он перешел работать туда. Несмотря на социологический уклон, господствовавший в те годы в лингвистике, Петерсон остался верен своей научной позиции, что, вероятно, было нелегко, о чем свидетельствует выдержка из материалов одного из заседаний, состоявшихся уже в 1948 г.: «Профессор М.Н. Петерсон продолжает отстаивать свои формалистические взгляды в области синтаксиса, он не отказался от своего политически вредного взгляда о необходимости внесения в советское языкознание основных методологических принципов школы Фортунатова» [6. С. 39]. В том же 1948 г. Петерсону удалось опубликовать статью, посвященную 400-летию книги Мажвидаса [7]. Это было первым в русской литуанистике упоминанием имени Мажвидаса и его книги.

Перерыв в занятиях литовским языком в университете длился до 1947 г. С 1946 г. студенты первого курса филологического факультета Т.В. Булыгина, П.А. Гринцер, Т.Я. Елизаренкова, Вяч.Вс. Иванов, В.Н. Топоров, С.С. Цельникер стали заниматься у М.Н. Петерсона санскритом. Из сложившейся в те годы дружной студенческой компании терпения закончить эти занятия хватило не у всех, но, по-видимому, совместное общение сыграло большую роль в их дальнейшей научной жизни. На занятиях разбирались санскритские тексты, и Петерсон давал сравнительно-исторический комментарий, в основном лексический, особенно часто приводя литовские примеры. Он постоянно ссылаясь на мнение А. Мейе о том, что современный литовский язык находится по уровню своего развития на том же этапе, на котором находилась латынь в III в. до н.э. — т.е. это древнейший из современных индоевропейских языков, в процессе изменения грамматической системы не уничтоживший, а трансформировавший древнее наследие. Эти факты вызвали у студентов интерес к литовскому языку, и по их просьбе в следующем году Петерсон стал читать курс литовского языка. Однако полностью прослушали этот курс только В.Н. Топоров и Т.Я. Елизаренкова.

Опять, как и почти век назад, в случае с Ф.Ф. Фортунатовым, решающую роль сыграли контакты с носителями языка — после окончания университета В.Н. Топоров, Т.Я. Елизаренкова и Т.В. Булыгина поехали на лето в Литву и там познакомились с директором Института литовского языка и литературы К. Корсакасом. В 1951 г. Топоров поступил в аспирантуру МГУ одновременно со ставшим впоследствии видным литовским ученым, автором этимологического словаря прусского языка В. Мажюлисом. Позднее, в 1954 г., Топоров познакомился с З. Зинкявичюсом, в 1955 г. — с А. Сабаляускасом, и эти дружеские, а позднее и научные контакты сыграли большую роль в его научном творчестве. Топоров неоднократно подчеркивал, что общение с Литвой и литовцами имело для него всегда большое значение, что он постоянно получал большую поддержку от литовских коллег и друзей.

Можно сказать, что с момента поступления В.Н. Топорова в аспирантуру начался новый период в истории московской баллистики. С.Б. Бернштейн, ставший его руководителем, был очень обрадован тем, что Владимир Николаевич знает литовский язык, и предложил ему тему — балто-славянские отношения. Именно эта тема стала впоследствии одной из ведущих в образованном незадолго до этого Институте славяноведения, куда Владимир Николаевич пришел вскоре после окончания аспирантуры. Путь В.Н. Топорова

в баллистику начался с двух работ: этимологии четырех прусских слов [8]² и реферативного обзора состояния изучения баллистики в послевоенное время [10].

Институту славяноведения (с 1968 г. по 1997 г. — славяноведения и балканистики) суждено было стать вторым после Московского университета центром баллистики в Москве. На 4-м съезде славистов, который прошел в 1958 г. в Москве, обозначилась как новая этногенетическая проблема гипотеза Вяч.Вс. Иванова и В.Н. Топорова о балто-славянских отношениях [11]. В докладе, прозвучавшем на этом съезде, впервые был поставлен вопрос о необходимости теоретического подхода к древнейшим отношениям балтийских и славянских языков, а не просто перечисления сходства и различия, как это делалось до сих пор. Древнейшее состояние понималось авторами не как традиционный праязык, а как пространственно-временной континуум диалектов. Основываясь на тождестве моделей, реконструированных для древнейшего балтийского и славянского состояния, авторы пришли к выводу, что стоит «считать модель, установленную для славянского, результатом преобразования модели, установленной для древнейшего балтийского состояния» [11. С. 39]. В качестве одного из аргументов приводились прежде всего исключительная диалектная дробность балтийской языковой области при компактности территории и слабая дифференциация славянской области при большей ее территориальной протяженности. Эта пионерская работа перевернула прежние представления о характере балто-славянских отношений и во многом определила характер дальнейших исследований в этой области.

Вскоре тема балто-славянских исследований была выделена в отдельное направление исследований Института. Это произошло на конференции по актуальным проблемам славяноведения, инициатором которой стал бывший научный руководитель В.Н. Топорова С.Б. Бернштейн. В 1960 г. в Институте был образован сектор структурной типологии славянских языков, и баллистика сразу заняла в нем видное место. Вскоре сектор возглавил пришедший в Институт в 1961 г. Вяч.Вс. Иванов, который так же, как и его коллеги по университету, начал свой путь в баллистику с личных контактов. Вячеслав Всеволодович впервые приехал в Латвию в 1946 г., а в 1947 г. провел два месяца в Доме творчества писателей в Дубулты. Тогда он начал учить латышский язык, познакомился с Мирдзой Кемпе и начал переводить стихи латышских поэтов. В 1953 г. Вяч.Вс. опять долго жил в Дубулты. Занимался, кроме латышского, ливским языком. Дважды ездил к Я. Эндзелину в его поместье «Нака». Надо сказать, что и В.Н. Топоров начал изучать латышский язык на Рижском взмо-
рье, куда впервые приехал с Т.Я. Елизаренковой в 1949 г.³

² Позднее эта тема вылилась в 5-томный словарь прусского языка (А— L), к сожалению, не законченный [9]. В архиве В.Н. Топорова уже после его смерти обнаружилась рукописная картотека словаря с буквой М до конца алфавита. Международная группа ученых во главе с Вяч.Вс. Ивановым взялась за обработку этой картотеки. Оцифровка и расшифровка карточек была поручена специалистам Института литовского языка в Вильнюсе. В настоящее время электронная версия картотеки находится в этом институте.

³ Для Владимира Николаевича посещение Латвии и Литвы в послевоенные годы было важным опытом еще и в отношении становления его политических взглядов: обстановка в этих краях и знакомство с жителями этих стран до конца жизни определили его глубочайшее чувство вины по отношению к латышам и литовцам. Он писал, обращаясь к ним: «Простите нас за все то, что мы вольно или невольно, по своей безответственности или по воле демонических сил, в руках которых мы были только что безгласным орудием, сделали вам; за несправедливость, ложь, насилие; за то, что мы не сумели воспользоваться историческим шансом найти путь к вашему сердцу и вашему разуму ни в два века вашего пребывания в составе Российской Империи, ни в последние полстолетия. Вы — укор нашей совести, но и наша надежда и высокий пример подлинной творческой ответственности за историю своего народа, за его язык» (из неопубликованного). Это отношение во многом повлияло и на позицию всех сотрудников сектора структурной типологии, которая и по сей день остается неизменной.

В 1960-е годы стали появляться статьи по балтистике в разных периодических изданиях Института, таких, как «Краткие сообщения Института славяноведения», «Советское славяноведение», «Вопросы славянского языкознания», «Ученые записки Института славяноведения». Тема балто-славянских отношений неоднократно возникает в этот период в статьях В.А. Дыбо [12; 13], Вяч.Вс. Иванова [14; 15], В.М. Иллич-Свитыча [16; 17], В.Н. Топорова [18–22].

В своей статье «К проблеме балто-славянских языковых отношений», опубликованной в журнале «Актуальные проблемы славяноведения» в 1961 г., В.Н. Топоров определил основные задачи балто-славянской проблематики: это прежде всего выявление особенностей диалектного дробления балтийской языковой области и преимущественные связи отдельных диалектных ареалов между собой и с другими индоевропейскими областями; выявление характера балтийских диалектов, некогда охватывавших территорию северной Белоруссии, Литвы и отчасти Латвии с запада, юга и востока; задача гидронимической стратификации предполагаемых балтийских территорий; исследования в области балтийских лексических заимствований в русской диалектной лексике; исследование общих мотивов в фольклоре, в особенностях обрядовых и религиозных представлений; изучение типичных изоглосс за пределами областей, для которых можно предполагать балтоязычное население (Паннония, Балканы, Адриатика); изучение области на стыке балтийского и славянского миров, в котором проявляются черты, характерные для «языкового союза». Впервые изучение балто-славянской проблемы было представлено как комплексное всеохватывающее исследование. Выделенные задачи, тогда только обозначенные, стали отправным пунктом исследований московских балтистов — какие-то успешно реализовались, другие находятся в процессе изучения, некоторые так и остались в планах.

Первым начинанием стали диалектологические экспедиции, проводившиеся с 1962 г. Сотрудники Института М.И. Лекомцева, Л.Г. Невская, Т.М. Судник, В.Н. Топоров, Т.В. Цивьян, С.М. Шур (Толстая) участвовали в них совместно с работниками сектора диалектологии Института литовского языка и литературы в Вильнюсе. В 1964 г. в Институте славяноведения прошла конференция «Проблемы лингво- и этнографии и ареальной диалектологии», на которой прозвучал обозначивший важнейшие проблемы и методы балто-славянских исследований доклад Т.М. Судник, В.Н. Топорова и С.М. Шур о южной части балтийско-славянского языкового союза (позднее доклад был опубликован в виде статьи в «Советском славяноведении» [23]).

Именно такой подход к ареальным балто-славянским контактам, основанный на понятии языкового союза, стал отправной точкой дальнейших исследований. На протяжении многих лет (в основном 1960-х и 1970-х годов) был собран большой диалектологический материал, обобщенный затем в монографиях Т.М. Судник и Л.Г. Невской [24–25].

Таким образом, первым актуальным направлением московской баллистики стало изучение балто-славянского ареала как языкового союза, и основой исследований (как и в конце прошлого века для Ф.Ф. Фортунатова) стал живой диалектный материал. Для многих исследователей именно с него началось знакомство и с фольклором, что впоследствии определило еще одно направление московских исследований в области баллистики.

В то же время намечаются и другие направления в изучении балто-славянской проблематики, ставшие впоследствии важными вехами в развитии

московской баллистики: это акцентология (В.А. Дыбо, В.М. Иллич-Свитыч); этимология (Вяч.Вс. Иванов, В.Н. Топоров); лингвогеография (Р.А. Агеева, В.Н. Топоров, О.Н. Трубачев). К 1960-м годам относятся и три крупные работы, ставшие классическими в балто-славянском языкознании: [26–28]. Последняя положила начало серии семиотических исследований в области балто-славянских древностей.

Докторская диссертация, защищенная Вяч.Вс. Ивановым в 1979 г., была посвящена балтийскому и славянскому глаголу («Отражение двух серий индоевропейских глагольных форм в балтийском и славянском»); позднее вышла его монография на ту же тему [29].

Эти исследования вскоре стали одним из центральных направлений баллистики в Институте славяноведения, придя на смену диалектологическим исследованиям, итогом которых явился комплексный доклад Т.М. Судник и Л.Г. Невской на съезде славистов в 1978 г. [30]. Подобные работы появлялись и в дальнейшем, однако в целом произошла переориентация в сферу духовной культуры и фольклорных текстов.

Следующим важным этапом в истории московской баллистики стало появление «Балто-славянских исследований». На прошедшей в 1978 г. первой балто-славянской конференции «Этнолингвистические балто-славянские контакты в настоящем и прошлом» впервые был поставлен вопрос о периодическом издании, посвященном балто-славянским проблемам. На этой же конференции начал формироваться круг будущих авторов сборника. Сначала было принято решение издавать серийный сборник под названием *Balto-Balkanica*, в котором чередовались бы балтийская и балканская проблематика как два основных направления, но это решение не было утверждено дирекцией. После длительных хлопот только в конце 1979 г. было принято постановление президиума Академии наук СССР об учреждении ежегодника «Балто-славянские исследования». Этому серийному изданию предшествовали три сборника: «Балто-славянский сборник» (1972), «Балто-славянские исследования» (1974), «Балто-славянские этноязыковые контакты» (1980). Последний негласно был посвящен 50-летию В.Н. Топорова и содержал материалы экспедиции в Пелясу, состоявшейся в 1977 г.

Периодический сборник «Балто-славянские исследования» начал выходить с 1981 г. Каждый том выпускался без уверенности, что он не последний, так как издание всегда было связано со многими трудностями. Однако благодаря усилиям членов редколлегии во главе с Вяч.Вс. Ивановым и огромной работе бессменного ответственного секретаря сборника Т.М. Судник, готовившей к публикации материалы всех выпусков, «Балто-славянские исследования» выходили практически каждый год (до 1989 г.⁴). Почти все выпуски были посвящены каким-либо событиям: это были материалы конференций, памятные даты и юбилеи (как, например, юбилей Вильнюса в 1983 г.). В первом выпуске обозначены задачи сборника: «сравнительно-историческая грамматика балтийских и славянских языков; исследования контактов балтийских и славянских языков и культур в их настоящем и прошлом; сопоставительно-типологическое изучение балтийских и славянских языков и культур; исследование индоевропейских основ балто-славянской проблематики; проблемы этногенеза

⁴ Издание сборника возобновилось в 1998 г. После 2001 г. отв. секретарем редколлегии стала М.В. Завьялова. Главным редактором сборника в настоящее время (после смерти Вяч.Вс. Иванова в 2017 г.) является В.А. Дыбо.

балтов и славян на материале языка, топонимии и ономастики, духовной и материальной культуры» [31].

Исследования на стыке балтийского и славянского миров представлялись актуальными не только как внутренняя проблема их этногенеза и развития, но и как важный материал для изучения многих теоретических проблем. В выпусках сборника принимали участие видные ученые России, Литвы, Латвии, Польши, Германии. Многие открытия впервые увидели свет именно на страницах сборника, например статья З. Зинквичюса о ятвяжском словаре была опубликована в «Балто-славянских исследованиях» раньше, чем в «Балтистике» в Литве [32]. В сборнике были опубликованы практически все работы В.Н. Топорова по установлению границы расселения древних балтов на современных славянских территориях [33–35]. В этих статьях устанавливается балтийский характер почти 300 гидронимов, относящихся к бассейнам рек Москвы, Оки, Клязьмы и Волги, и таким образом решается вопрос о восточной границе балтийского гидронимического ареала.

Лингвогеографическое направление, разработанное в трудах В.Н. Топорова и других лингвистов, получило наиболее полное развитие в сотрудничестве с историками и археологами. Начиная со второй балто-славянской конференции, которая прошла в 1983 г. под названием «Балто-славянские этноязыковые отношения в историческом и ареальном плане», балто-славянские исследования успешно сочетали лингвистический и исторический подходы. Историки и археологи (В.И. Матузова, В.И. Кулаков, Е. Охманьски, В.В. Седов) стремились учитывать в своих работах лингвистические данные; лингвисты, в свою очередь, старались опираться на новые археологические изыскания. Такой междисциплинарный подход, пожалуй, является отличительной особенностью и, несомненно, одной из сильных сторон московской балтистической школы. Еще одна важная тема, требующая исключительно интердисциплинарного подхода, объединения не только историков и лингвистов, но и культурологов, — проблема Великого княжества Литовского. Эта тема неоднократно возникала в работах московских балтистов, но до сих пор, к сожалению, не получила развития как отдельная область комплексных исследований.

Однако в другой области — духовной культуры взаимодействие с историками оказалось весьма плодотворным. В 1985 г. состоялась конференция «Балто-славянские этнокультурные и археологические древности. Погребальный обряд», ставшая второй по счету в цикле конференций, посвященных проблемам текста (первый симпозиум по структуре текста прошел в 1979 г.). За ней последовала конференция «Этнолингвистика текста. Семиотика малых форм фольклора» состоявшаяся в 1988 г. Эти конференции предварили серию сборников, появившихся уже в 1990-е годы под общим названием «Исследования в области балто-славянской духовной культуры» [36–38].

Помимо этих конференций можно отметить две конференции, символизирующие попытки выйти за рамки балто-славянского ареала, включить проблемы балто-славянских контактов в более широкий контекст. Это прошедшая в 1990 г. конференция, посвященная прибалтийско-финским ареальным проблемам «Uralo-Indo-Germanica» (ее материалы опубликованы в «Балто-славянских исследованиях-96»), и уже упоминавшийся симпозиум по структуре текста, имевший полное название «Balcano-Balto-Slavica. Симпозиум по структуре текста». Балто-балканская проблематика — еще одна перспективная тема, наметившаяся в работах ученых Института, но не получившая пока широкого развития. Работы, посвященные этой тематике, также публиковались

в сборнике «Балто-славянские исследования» [39–41]. Последняя большая работа, посвященная теме пути в балто-балканской перспективе, была представлена в виде доклада на съезде славистов в Кракове в 1998 г. [42].

Важной особенностью балто-славянских исследований этого периода является то, что балтистика и балто-славянские отношения понимаются широко — это не только лингвистика, синхроническая, диахроническая, сравнительно-историческая, но и устная словесность, фольклор. Пожалуй, особое место заняло в деятельности сектора, и в занятиях литуанистикой в частности, семиотическое направление. Оно не только позволило объединить разные жанры фольклора и более поздние тексты, но и реконструировать на их основе глубинные смыслы, что позволило сделать новые открытия в области духовной культуры балтов и славян, а также раскрыть связи и параллели с другими традициями.

Необходимо отметить также центр литуанистики, существовавшей все это время в Москве отдельно от Института славяноведения. Этим центром стал Институт языкознания, в котором работали Т.В. Булыгина, посвятившая немало трудов проблемам грамматики литовского языка [43; 44], и академик Ю.С. Степанов, читавший в МГУ курс литовского языка в сравнительно-историческом освещении⁵. Многие литовские ученые, давно и плодотворно работающие в институтах Литвы, начинали свой путь в литуанистику именно в Москве под руководством Ю.С. Степанова. Видимо, как и в других случаях, большую роль в выборе направления исследований сыграли человеческие отношения: ученики Юрия Сергеевича до сих пор вспоминают с необыкновенной теплотой проведенные в Москве годы аспирантуры и самого Учителя прежде всего как удивительного человека и замечательного педагога, общение с которым стало для многих самой важной и дорогой наукой. В собственном научном смысле школа Ю.С. Степанова явилась прочным теоретическим основанием, позволившим его ученикам более продуктивно продолжать свои исследования. Теоретическая основа проблем литуанистики представлена во многих трудах Степанова. Круг тем, затрагивавшихся в его работах, весьма широк — это и глагольная система литовского языка, и акцентология, и синтаксис в сравнительно-историческом освещении. Степанов сформулировал и детально исследовал немало важных теоретических проблем литовского языкознания: вопрос о природе передвижения ударения [45; 46]; о корреляции между глагольным видом в славянских языках и диатезой в балтийских [47; 48] и т.д.

Сотрудницей Института языкознания РАН была и В.Э. Сталтмане, преподававшая латышский язык в Обществе любителей латышской культуры, позднее в МГИМО, в Дипломатической академии. Совместными усилиями Т.В. Булыгиной, В.Н. Топорова, В.Э. Сталтмане и А. Брейдака был написан том «Балтийские языки» в серии «Языки мира» [49]. К сожалению, том готовился очень долго, и в процессе его написания ушли из жизни Т.В. Булыгина, писавшая статью о литовском языке, и А. Брейдак, готовивший статью о латгальском языке. Статью о литовском языке дописывала О.В. Синева, статью о латгальском — Л. Лейкума. Том вышел только в 2006 г., уже после смерти его главного редактора и автора статьи о прусском языке В.Н. Топорова.

Итак, можно выделить основные направления московской баллистики, обогатившиеся в последние 60 лет:

⁵ В разное время курс литовского языка в МГУ читали также Т.В. Булыгина, И.Н. Топорова, М.Г. Нецецкая.

1) теоретические аспекты грамматики литовского языка (особенно морфология, акцентология, синтаксис) в сравнительно-историческом аспекте;

2) диалектология, изучение фонетики и лексики островных говоров на территории Белоруссии и в пограничных территориях Литвы; взаимодействие языковых систем; изучение балто-славянского языкового союза;

3) этимология, литовский язык в рамках индоевропеистики; привлечение языковых фактов литовского языка для реконструкции праславянского состояния и индоевропейских моделей; компаративистика;

4) лингвогеография; изучение топонимики и определение древних ареалов расселения балтов на территориях, позднее заселенных славянами;

5) исследования в области структуры текста; семиотический подход к тексту; изучение духовной культуры балтов по данным фольклорных текстов.

По ряду внешних причин, приведших к потере связей между учеными двух стран — России и Литвы к началу 1990-х годов, исследования в области баллистики утратили былую интенсивность: перестали проводиться конференции, временно прекратился выпуск «Балто-славянских исследований» (сборник не выходил с 1989 по 1998 г.). Однако балтийская проблематика продолжала интересовать ученых Института славяноведения. С конца 1990-х годов до настоящего времени в отделе типологии и сравнительного языкознания (который с 1990 г. по 2012 г. возглавляла Т.М. Николаева) было защищено три диссертации по баллистике: М.В. Завьяловой [50] (руководитель — Л.Г. Невская), П.М. Аркадьева [51] (руководители — В.Н. Топоров и Т.М. Николаева), К.А. Кожанова [52] (руководитель — П.М. Аркадьев).

Однако основная деятельность по баллистике в Москве сместилась в другой центр: благодаря сотрудничеству ученых Института славяноведения РАН (в первую очередь В.Н. Топорова) с атташе по культуре Посольства Литвы в России Ю. Будрайтисом своеобразным центром баллистики в Москве на долгие годы стало Посольство Литвы в России, а именно «Дом Балтрушайтиса». Фигура поэта и дипломата Юргиса Балтрушайтиса как нельзя лучше подходит на роль символа русско-литовских культурных связей. И так получилось, что его дому также была уготована судьба стать одним из центров, объединяющих две страны. Этот дом был всегда очагом литовской культуры в Москве: еще в 1989 году, в самом начале перестройки, в нем были созданы курсы литовского языка, на которых преподавал впоследствии известный славист и балтист Н.А. Михайлов.

С момента появления на посту советника по культуре Ю. Будрайтиса в 1995 г. этот дом стал фактически выполнять функции литовского культурного центра. С помощью Ю. Будрайтиса возродились почти утраченные связи российских ученых с балтистами других стран — не только Литвы и Латвии, но и других. С 1998 по 2010 г. благодаря такому сотрудничеству посольства Литвы и российских ученых состоялось 20 конференций, в которых принимали участие не только сотрудники Института славяноведения РАН, но и Института мировой культуры МГУ, Института всеобщей истории РАН, ИМЛИ РАН: например, у истоков цикла конференций, посвященных поэзии Балтрушайтиса, стоял литературовед Н.В. Котрелев; в организации цикла конференций, посвященных Великому княжеству Литовскому принимала большое участие историк Е.Л. Назарова. Все началось в 1998 г. с первой большой конференции,

посвященной Мартинасу Мажвидасу и первой литовской печатной книге⁶. Позднее обозначились циклы конференций: Чтения Юргиса Балтрушайтиса; «Наследие Великого княжества Литовского»; «Балтийские перекрестки». Расширилась география участников конференций: на них приезжали ученые не только из России, Литвы, Латвии, Белоруссии, но и из Австрии, Венгрии, Германии, Италии, Польши, США, Украины, Франции, Чехии, Эстонии, Японии. Обсуждались самые широкие и актуальные проблемы современной науки. Отличительной особенностью конференций всегда была междисциплинарность: общий язык находили не только ученые из разных стран, но и занимающиеся разными областями наук. После основной части конференций нередко устраивались «круглые столы», на которых проходили интересные дискуссии. Например, в рамках конференции «Этнокультурные и языковые контакты на территории Великого княжества Литовского» состоялся «круглый стол» «Свои или чужие? Литва в России и Россия в Литве. Мультикультурализм в современном мире». В рамках конференции «Литва эпохи Миндаугаса и ее соседи: исторические и культурные связи и параллели» прошел «круглый стол» «Великое княжество Литовское и Киевская Русь: кто наследники этих государств — литовцы, белорусы, украинцы или русские?». Материалы очень многих конференций позднее были изданы в виде сборников, в чем тоже немалая заслуга Ю. Будрайтиса [54–57].

К сожалению, после отъезда Ю. Будрайтиса традиция проведения конференций стала ослабевать. Начавшийся было цикл конференций, посвященных памяти В.Н. Топорова, прекратился с отъездом Будрайтиса. С 2006 по 2009 г. были проведены четыре конференции из этого цикла [58]. С 2009 по 2012 г. в «Доме Балтрушайтиса» не было конференций, однако в 2011 г. совместно с Вильнюсским университетом и Сеймом Литовской Республики в Вильнюсе была организована конференция «Балты и славяне: пересечения духовных культур», посвященная памяти В.Н. Топорова [59]. С 2012 по 2018 г. благодаря усилиям атташе по культуре Ф. Латенаса (2012), А. Шимелиса (2013–2017) и И. Видугирите-Пакерене (2018) прошли семь конференций. Конференция, состоявшаяся в 2018 г. вскоре после смерти Вяч.Вс. Иванова, была посвящена памяти Вяч.Вс. Иванова и В.Н. Топорова. В последний год пребывания в Москве Будрайтиса состоялось значимое событие — 16 июня 2009 г. в Институте славяноведения состоялось официальное открытие Центра балто-славянских исследований, который де факто существовал уже в течение почти 50 лет. Руководителем Центра стал Вяч.Вс. Иванов (после его кончины в 2017 г. — Т.В. Цивьян). Первым начинанием центра стала организованная в октябре 2009 г. международная конференция «Современные подходы к балтийскому языкознанию» (материалы конференции см. [60]).

В 2019 г. состоялось событие, объединившее «Дом Ю. Балтрушайтиса» и Институт славяноведения РАН — конференция «Территория *balto-slavica* сквозь призму языка и литературы», посвященная 10-летию Центра балто-славянских исследований и 90-летию со дня рождения Вяч.Вс. Иванова. Конференция прошла 14–15 мая в двух местах: первый день — в Институте славяноведения, второй — в «Доме Ю. Балтрушайтиса». Хочется верить, что эта конференция продолжит традицию конференций по балтистике, заложенную в 1970-е годы в Институте славяноведения и продолженную в 1990–2000-е в «Доме Балтрушайтиса».

⁶ Доклад В.Н. Топорова, подготовленный для этой конференции, позднее был издан отдельной книгой [53].

В последнее десятилетие балтийское направление активизировалось и в московских вузах: в 2008 г. открылся Центр баллистики в МГУ (руководитель — О.В. Синева), литовский язык преподается в РГГУ (преподаватели П.М. Аркадьев, И.Б. Тульчинский).

Как общее пожелание можно привести слова В.Н. Топорова, сказанные на «круглом столе» в «Доме Балтрушайтиса» 11 марта 2000 г.: «Я давно занимаюсь балтистикой, люблю балтийские языки, балтийскую культуру, балтийские народы и возлагаю очень большие надежды на то, что смутные времена в отношениях между нашими государствами пройдут. А что касается отношений на уровне от человека к человеку, то я твердо знаю, что всегда было достаточно много случаев, когда вопреки неблагоприятным условиям дух благоволения был с обеих сторон по отношению друг к другу».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Миллер В.Ф., Фортунатов Ф.Ф.* Литовские народные песни, собранные В. Миллером и Ф. Фортунатовым. М., 1873.
2. *Петерсон М.Н.* Фортунатов и Московская лингвистическая школа // Ученые записки МГУ. Вып. 107. Роль русской науки в развитии мировой науки и культуры. М., 1946. Т. III. Кн. 2.
3. *Поржезинский В.К.* К истории форм спряжения в балтийских языках. М., 1901.
4. *Поржезинский В.К.* Возвратная форма глаголов в литовском и латышском языках. М., 1903.
5. *Иванов Вяч.Вс.* Профессор М.Н. Петерсон и развитие балтийского языкознания // Балто-славянские исследования-1984. М., 1986.
6. *Ломтев Т.П.* Итоги дискуссии по вопросам языковедения в связи с сессией ВАСХНИЛ // Вестник МГУ. Декабрь 1948 г.
7. *Петерсон М.Н.* Древнейший памятник литовского языка // Вестник МГУ. 1948. № 3.
8. *Топоров В.Н.* Заметки по прусской этимологии // Вопросы славянского языкознания. 1958. Вып. 3.
9. *Топоров В.Н.* Прусский язык: Словарь. М., 1975. Т. 1: (А–D); М., 1979. Т. 2: (Е–Н); М., 1980. Т. 3: (I–K); М., 1984. Т. 4: (K–L); М., 1990. Т. 5: (L).
10. *Топоров В.Н.* Очерк истории изучения древнейших балто-славянских языковых отношений // Ученые записки Института славяноведения. 1959. Т. 17.
11. *Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н.* К постановке вопроса о древнейших отношениях балтийских и славянских языков. М., 1958.
12. *Дыбо В.А.* Сокращение долгот в кельто-италийских языках и его значение для балто-славянской и индоевропейской акцентологии // Вопросы славянского языкознания. 1961. № 5.
13. *Дыбо В.А.* О реконструкции ударения в праславянском глаголе // Вопросы славянского языкознания. 1962. № 6.
14. *Иванов Вяч.Вс.* К этимологии балтийского и славянского названий бога грома // Вопросы славянского языкознания. 1958. № 3.
15. *Иванов Вяч.Вс.* О происхождении литовских приставочных возвратных глагольных форм // Конференция по вопросам истории балтийских языков. Вильнюс, 1964.
16. *Иллич-Свитыч В.М.* Выделение типов корней с исходом на сонант в балтийской глагольной системе, их функционирование и происхождение // Вопросы славянского языкознания. 1961. № 5.
17. *Иллич-Свитыч В.М.* К истолкованию акцентуационных соответствий в кельто-италийском и балто-славянском: о «втором правиле Дыбо» // Краткие сообщения Института славяноведения. 1962. Вып. 35.
18. *Топоров В.Н.* Новейшие работы в области изучения балто-славянских языковых отношений (Библиографический обзор) // Вопросы славянского языкознания. 1958. № 3.
19. *Топоров В.Н.* К вопросу об эволюции славянского и балтийского глагола // Вопросы славянского языкознания. 1961. № 5.
20. *Топоров В.Н.* К проблеме балто-славянских языковых отношений (положение дел, задачи) // Координационное совещание по актуальным проблемам славяноведения. Программа совещания и тезисы докладов. М., 1961.

21. *Топоров В.Н.* К проблеме балто-славянских языковых отношений // Краткие сообщения Института славяноведения. 1961. Вып. 33–34.
22. *Топоров В.Н.* Из истории изучения древнейших балто-славянских языковых отношений // Ученые записки Института славяноведения, 1962.
23. *Судник Т.М., Толстая С.М., Топоров В.Н.* К характеристике южной части балтийско-славянского языкового союза // Советское славяноведение. 1967. № 2.
24. *Судник Т.М.* Диалекты литовско-славянского пограничья. Очерки фонологических систем. М., 1975.
25. *Невская Л.Г.* Балтийская географическая терминология (к семантической типологии). М., 1977.
26. *Топоров В.Н., Трубачев О.Н.* Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962.
27. *Иллич-Свитыч В.М.* Именная акцентуация в балтийском и славянском (судьба акцентуационных парадигм). М., 1963.
28. *Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н.* Славянские языковые моделирующие семиотические системы (древний период). М., 1965.
29. *Иванов Вяч.Вс.* Славянский, балтийский и раннебалканский глагол. Индоевропейские истоки. М., 1981.
30. *Невская Л.Г., Судник Т.М.* Диалектные контакты в зоне современного балтийско-славянского этноязыкового пограничья // Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов. Загреб–Любляна, 1978 г. Доклады советской делегации. М., 1978.
31. Балто-славянские исследования-1980. М., 1981.
32. *Зинкявичюс З.* Польско-являжский словарь // Балто-славянские исследования-1983. М., 1984.
33. *Топоров В.Н.* Древняя Москва в балтийской перспективе // Балто-славянские исследования-81. М., 1982.
34. *Топоров В.Н.* Балтийский элемент в гидронимии Поочья. I // Балто-славянские исследования-86. М., 1988.
35. *Топоров В.Н.* Балтийский элемент в гидронимии Поочья. II // Балто-славянские исследования-87. М., 1989.
36. Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Погребальный обряд. М., 1990.
37. Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Заговор. М., 1993.
38. Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Загадка как текст. М., 1994. Ч. 1; М., 1999. Ч. 2.
39. *Судник Т.М., Цивьян Т.В.* Мак в растительном коде основного мифа (Balto-Balkanica) // Балто-славянские исследования-1980. М., 1981.
40. *Судник Т.М., Цивьян Т.В.* О мифологии лягушки: (балто-балканские данные) // Балто-славянские исследования-1981. М., 1982.
41. *Цивьян Т.В.* Заметки по балто-балканскому мифологическому гербарии: рута // Балто-славянские исследования-1987. М., 1989.
42. *Невская Л.Г., Николаева Т.М., Седакова И.А., Цивьян Т.В.* Концепт пути в фольклорной модели мира (от Балтии до Балкан) // Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов. Краков, 1998 г. Доклады российской делегации. М., 1998.
43. *Булыгина Т.В.* Проблемы теории морфологических моделей. М., 1977.
44. *Булыгина Т.В.* Морфологическая структура слова в индоевропейских языках. М., 1970.
45. *Степанов Ю.С.* Ударение и метатония в литовском глаголе // Baltistica. Priedas 1. Vilnius, 1972.
46. *Степанов Ю.С.* Непарадигматические передвижения ударения в индоевропейском // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1997. № 5.
47. *Степанов Ю.С.* Славянский глагольный вид и балтийская диатеза (проблема общего генезиса и реконструкции) // Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1978.
48. *Степанов Ю.С.* Вид, залог, переходность (Балто-славянская проблема) // Известия АН СССР. Сер. литер. и языка, 1976. Т. 35. Вып. 5; 1977. Т. 36. Вып. 2.
49. Языки мира: Балтийские языки / Ред. колл.: В.Н. Топоров, М.В. Завьялова, А.А. Кибрик и др. М., 2006.
50. *Завьялова М.В.* Балто-славянский заговорный текст: лингвистический анализ и картина мира. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2006.

51. *Аркадьев П.М.* Типология двухпадежных систем. Рукопись. М., 2006.
52. *Кожанов К.А.* Балто-славянские ареальные контакты в области глагольной префиксации. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2015 г.
53. *Топоров В.Н.* Начало литовской письменности: Мартинас Мажвидас в контексте его времени (К 450-летию со дня выхода в свет первой литовской книги). Vilnius; М., 2001.
54. Исторический путь литовской письменности. Сборник материалов конференции. Вильнюс, 2005.
55. Этнокультурные и этноязыковые контакты на территории Великого княжества Литовского. Материалы международной научной конференции. М., 2006.
56. Балты и Великое княжество Литовское: историко-лингвистический взгляд. Памяти Эгидиуса Банёниса. М., 2007.
57. Современная семиотика и гуманитарные науки. La sémiotique contemporaine et les sciences humaines. М., 2010.
58. Топоровские чтения I—IV (2006—2009). Избранное. М., 2010.
59. Baltai ir slavai: dvasinių kultūrų sankirtos. Балты и славяне: пересечения духовных культур. Vilnius, 2014.
60. Contemporary Approaches to Baltic Linguistics. De Gruyter, 2015.